

О том, что большинство героев Достоевского — лица, в отношении здоровья не вполне благополучные, догадывались многие его современники. Еще при жизни автора «Идиота» за ним закрепилась репутация художника, чрезвычайно пристрастного к скрытым и таинственным движениям человеческой души, к странным и подчас болезненным проявлениям психической жизни человека. Человек «после» Достоевского стал ведать о себе много больше, чем знал «до» него.

Но помимо общечеловеческого интереса к миру Достоевского возник и обрел право на существование интерес специфический — сугубо медицинский. За несколько недель до смерти писатель получил письмо от провинциального медика А.Ф. Благонравова, который выразил восхищение тем, сколь «поразительно верно» изобразил автор «Братьев Карамазовых» галлюцинацию Ивана в сцене с чертом. «Описать форму душевной болезни, — пишет Благонравов, — известную в науке под именем галлюцинаций, так натурально и вместе так художественно, навряд ли бы сумели наши корифеи психиатрии...» Достоевский поблагодарил автора письма как специалиста, заметив, впрочем, что Иван Карамазов «при данных обстоятельствах никакой иной галлюцинации не мог видеть, кроме этой». Под «данными обстоятельствами» подразумевался, надо полагать, не один лишь анамнез героя-визионера, а вся структура повествования, весь романский контекст.

В 1884 году доктор В.Ф. Чиж опубликовал в «Русском вестнике» статью «Достоевский как психопатолог», где заявил, что будет «смотреть на Достоевского не как на романиста, а как на простого описателя действительности». Заметим, что при таком угле зрения практически снимается вопрос о Достоевском-художнике и проблема сводится к сугубо медицинским аспектам.

В статье Н.Н. Богданова присутствует собственный подход. Автор, известный не только трудами в области психиатрии, но и изысканиями, касающимися генетических и генеалогических особенностей рода Достоевского, понимает, что романский образ не исчерпывается «историей болезни». При этом его «клинические наблюдения» над внешностью, поведением и психологической эволюцией одного из самых загадочных героев Достоевского, Николая Всеволодовича Ставрогина, весьма интересны и убедительны. Поставленный Н.Н. Богдановым диагноз вряд ли возьмется оспорить кто-либо из его коллег-психиатров, а тем паче — рядовые читатели. Надо, однако, помнить, что Достоевский особо не дорожил званием психолога, предпочитая именовать себя «реалистом в высшем смысле». Это, очевидно, означает, что его привлекала не одна так называемая голая правда, не «арифметика», не тот или иной твердо установленный «медицинский факт», а некое высшее знание о человеке, включающее в себя все постижимые и непостижимые его ипостаси. В этом смысле у искусства совсем иные цели, нежели у науки. И, может быть, прав знаменитый невропатолог Г.И. Россолимо, заметивший, что «условия художественного творчества в иных случаях требуют решительного уклонения от научной точности».